

ШТРИХИ

Алексей ПЬЯНОВ

Две выставки Евгения Мациевского, прошедшие недавно почти синхронно в престижных залах — Доме художника и Дипломатической академии, — в прежнее время могли бы стать заметным событием в культурной жизни столицы.

Лет двадцать тому назад Женя (тогда еще Женя) — восходящая «звезда» московской графики — часто забегал в журнал «Юность» — подработал на иллюстрациях (художники всегда жили небогато) и однажды подарил мне картинку, на которой изображены бородатые хитроглазые мужички с петухом. С тех пор чуть ли не каждый день смотрю на эту картинку и радуюсь, сам не зная чему. Веселая она какая-то. Излучает невидимые волны добра и благодати. Хотя ничего такого на этом квадратике шершавой бумаги с оттиснутой не очень четко паутинкой рисунка (сухая игла) нет.

Но это только на первый взгляд, как и всегда у Мациевского. Вроде ничего особенного. Незамысловатый сюжет: рожица под ветром; старая дача; туго затянутое шлемом лицо авиатора рядом с «фарманом» или «блерио» (я не знаток). Бодро бегущие по своим делам таракашки-букашки, стрекозы и бабочки, порхающие над ионьским разнотравьем, голенастый, как драгун, кузнечик. А вот притаились в траве такие изящные лягушки, что и дураку ясно — это обращенные царевны. Рядом с ними — юная барышня то ли из нашего, то ли из прошлого века, похожая на Елену Соловей. В кружевной шляпке с книжкой в руке...

Читатель, знающий творчество Евгения Мациевского, одолев эти строки, вправе возмутиться: что это автор заладил: картинки, картинки! И это о творчестве выдаю-

Жаль, что вас не было...

щегося российского графика, знаменитого мастера-офортиста, которого Европа знает?! Может, он, сей критик, просто не умеет писать?

Он умеет.

Но, во-первых, писать просто — трудно. А во-вторых, не он первый пишет о Евгении Мациевском. Конечно, оценивая выставку в академии (о предыдущей хоть немного, но писали), проще было бы сказать вот так: «Евгений Мациевский принадлежит к числу художников, для которых страсть к поиску нового и в то же время упорство своего рода осторожного, углубленного экспериментатора, восторженная, в лучшем смысле слова, преданность своему делу, проникновенное, любовное отношение к рукотворности создания офорта — не проходящий с годами энтузиазм молодости, а внутреннее свойство натуры художника».

Он бы мог так, хотя этот не несколько витиеватый научный стиль ему (то есть мне) не очень свойствен. Но главное — это уже написано. И написано давно.

О нынешней экспозиции надо писать по-другому. Как — сам не знаю, потому что про офорты, на которых хозяйничают знаменитые герои Михаила Булгакова, так уже не скажешь. Тут одного «любовного отношения» художника к предмету мало, ибо картинка эти куда сложнее тех, что делал он прежде.

...Подолгу стоял я у булгаковских листов на стенах академии. Смотрел, думал, пытаюсь разобраться в изображенном, ибо перед тобой не иллюстрация к сочинению великого писателя, а нечто свое, родившееся из гениальной прозы писателя и вольной фантазии художника. Тут голопом не проскакаешь вдоль стены, восторженно восклицая: «Ах, какой пре-

Е. Мациевский. «Странная квартира (по мотивам М. Булгакова)». 1993 г.

лестный Бегемотик!» У этого котика такие глаза, что того и гляди, обойдется он с тобой, как с дядей Берлиоза, приехавшим, как вы помните, на похороны племянника...

Блистательна эта булгаковская серия, выполненная в смешанной технике и раскрывающая главное в замысле выдающегося романиста. Жаль, что такое невозможно на ограниченном поле книжного листа. Славный получился бы том! А может, еще получится?! Мациевский виртуозно владеет пространством изображаемого, о чем свидетельствуют многие его иллюстрации.

Строга, державна уже хорошо известная знатокам серия, посвященная истории русского флота. Она продолжает циклы, посвященные славным страницам нашего Отечества, в частности его сагу «Первые русские аэронавты», ставшую классикой портретного офорта.

Необычны венецианские карнавалы Мациевского. Тут так

много нового, прежде у него не виденного — и в сюжетах, и в материале, что боюсь быть категоричным. Цвет такой силы и интенсивности, на него так много «нагружено», что не вдруг пробьешься к сюжету и осмыслишь его, хотя, конечно, в такой живописи главное — не сюжет. Она красива и значима сама по себе. И, может, совсем не обязательно искать в ней некий скрытый смысл?

Его холсты таят в себе, как мне кажется, что-то загадочное — изначально присущее этому веселому действу — карнавалу, шутовству и в то же время и какую-то жутковатую средневековость. Как, впрочем, иные портреты и натюрморты. Она не страшна. Но она загадочна и магически влекуща, эта «изнанка».

Многое хочется сказать и о самой выставке, и о ее организаторе — человеке, известном своей привязанностью к искусству, — ректоре академии Юрии Борисовиче Кашлеве.

Евгений Мациевский — худож-

ник истинный. И завершая эти беглые заметки, вполне уместно было бы продолжить приведенные выше слова старшего научного сотрудника Третьяковки М. Ходяиной из ее заметки в каталоге давней выставки графики мастера: «Мациевский, сохраняя особую тонкость и свободу мастера офорта... приходит к все большей монументальности, широте...»

Это была бы прекрасная концовка.

Но это была бы чужая концовка. А у меня есть своя.

Я пишу глухой ночью (давняя привычка). На стенах моей комнаты — старые офорты Жени Мациевского: бородатые мужички, дама в шляпе, наполненной часами, идущий сквозь метель Хлудов, Лариосик и Николка...

Гремит труба граммофона, шлепаются о стол карты: кто-то из игроков поставил на них свою жизнь. Коптит старая керосиновая лампа, и от этого, кажется, шевелятся легкие листы на стене.

И уже ночь является мне не такой черной, а двор пустым, как военный плац. Вон бежит знакомая собака. В свете яркого фонаря появляется человек, похожий лицом на Булгакова, а в приоткрытую форточку вместе с морозным воздухом вливается знакомая мелодия из «Мастера и Маргариты». Хотя откуда знакомая? Прежде я не слышал, да и не мог слышать ее... Но она звучит все громче и громче. И тускнеет фонарь за окном. И рассвет татит с Востока, и весело кричит петух, вырвавшись наконец из рук бородатого мужичка на старой картинке.

Я кладу перо и гашу не керосиновую — на офорте, — а электрическую лампу: в комнате полно света и звуков.

Должно быть, в этом и есть главное предназначение искусства — наполнять долгие зимние ночи музыкой и светом.

15.07.98

Мациевский Евгений

Кашлева, — 1998, — 15 янв. — с. 10